

Мария Вятчина

Arkadi Zeltser. Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union. Jerusalem: Yad Vashem Publications, 2018. 386 pp. ISBN 978-9-6530-8573-2.

Мария Вятчина – студент факультета социологии и философии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ул. Гагаринская, 6/1, литера А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. maria.vyatchina@gmail.com.

Новая книга израильского историка Аркадия Зельцера носит название «Нежелательная память: монументы жертвам Холокоста в Советском Союзе» и посвящена связи между этническим самосознанием и мемориальной активностью советских евреев. На протяжении последнего десятилетия Мемориальный комплекс истории Холокоста «Яд Вашем» (Иерусалим) осуществлял сбор материалов о местах массового уничтожения советских евреев в рамках проекта «Untold Stories», который преследовал цель выяснить географию памятников, собрать воедино сведения о численности жертв и обстоятельствах уничтожения, а также проследить процесс последующей мемориализации локальных историй массовых убийств. Нужно сказать, что предыдущей попыткой выявить основные тенденции в сфере коммеморации жертв было издание энциклопедии Холокоста (Альтман 2009), а наиболее крупный подобный российский проект «Бабы Яры России: мемориалы жертв Холокоста» содержит информацию о четырех сотнях памятников. Кропотливая работа исследовательской группы под руководством Зельцера позволила собрать сведения о более чем семиста мемориалах на современной территории нескольких постсоветских государств.

Монография опирается на разнообразные исторические источники: архивные документы, публикации в СМИ, мемуаристику, краеведческие работы разных лет, фотоматериалы. Единицей анализа становится история одной мемориальной инициативы, позволившей воплотиться проекту памятника. Как понятно из заглавия, хронологические рамки исследования охватывают время существования СССР, при этом самые ранние проекты появлялись параллельно военным действиям, начиная с момента отступления нацистских войск.

В структурном плане монография состоит из пяти глав. Первая посвящена подбору теоретических рамок, здесь автор фокусируется на вопросах идентичности советских евреев и на специфике исторической памяти. Вторая глава представляет собой обзор советской мемориальной политики. Третья создает целостную картину действий низовых движений практически по десятилетиям (военные и первые послевоенные годы; период сталинского антисемитизма; хрущевский и брежневский периоды; время застоя; перестройка), здесь же дан анализ региональной специфики. Четвертая глава – это раздел о еврейских мемориальных активностях в целом (не только в отношении памятников): уход за кладбищами, самоорганизация, рефлексии о diversity на примере памятников. Отдельная глава посвящена тому, через какие символы и знаки на памятниках производилась ре-

презентация их «еврейскости». Последняя, шестая, глава – обращение к опыту осмысления мемориальных активностей начиная с 1960-х годов, когда развивается краеведческое движение, связанное с поиском солдатских могил, и в обществе все большее внимание обращается на места массовых расстрелов.

Следуя хронологической логике, в работе последовательно рассматриваются контексты, обусловленные разными политическими процессами и изменением политик памяти вокруг Второй мировой войны. Фактуру и особый стиль книги создает обширный эмпирический материал. Через подробные описания кейсов автор выходит на такие темы, как неформальные стратегии привлечения ресурсов к реализации проектов памятников (блат), солидарность по принципу землячества, механизмы взаимодействия государственных институтов и многочисленных групп евреев, для которых память о Холокосте, как пишет Зельцер, в послевоенное время была основным объединяющим «местом памяти» или «точкой опоры», в отличие от религии, которая в советское время по-разному трактовалась государством, но в целом была неоднозначным ресурсом для поддержки общегрупповой идентичности и даже выступала опасным для вертикальной мобильности фактором в индивидуальных биографиях. Таким образом, память о Катастрофе объединяла группы евреев всего пространства бывшего СССР.

Концептуализация идей об особом коллективном языке символов, словоформ и условных знаков, составлявшем мемориальный вокабуляр исследуемой группы, производится автором на основе совмещения двух больших теоретических пластов: через размышления об исторической памяти и идентичности советских евреев. Акцентуализация этнического фактора позволяет проследить генеалогию авторской мысли, ключевыми для которой стали работы Мордехая Альтшулера (Altshuler 2002) и Цви Гительмана (Gitelman 1997). По сравнению с предшественниками Зельцер значительно расширяет источниковую базу и вводит в научный оборот огромный массив документов (в первую очередь источники личного происхождения, позволяющие почувствовать не только официальные дискурсы). Осмысля визуальные ряды монументов, он демонстрирует важный групповой процесс, буквально воплотившийся в камне в 1960-е годы. Переводя религиозные ритуалы в сферу приватной жизни, советские евреи в это время манифестируют свою групповую принадлежность и публично напоминают о Катастрофе через возведение мемориалов на территории еврейских кладбищ, через перечисление (еврейских) фамилий на могильных плитах и использование специальных символов (например, меноры или звезды Давида), даже оставляя при этом такое клишированное именование погибших, как «мирные советские граждане».

В представленной книге читатель также может найти аргументы для дискуссии о советской субъективности. Так, обращаясь в разделе об идентичности советских граждан к идеям Йохана Хельбека (Hellbeck 2009) и Игала Халфина (Halpin 2000), Зельцер отмечает, что к раннесоветской утопической теории построения нового общества после Второй мировой войны добавляется идея спасения человечества от нацизма, которая была близка евреям даже больше, чем какой бы то ни было другой этнической группе СССР.

К дебатам о позднесоветской субъективности здесь можно добавить, что организаторы мемориальных проектов, научаясь говорить на советском бюрократическом языке, осуществляли свои идеи через перформативные возможности, которые давала система. Можно сказать словами из известной работы Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось...»: цитируя в письмах строчки из публичных партийных высказываний, еврейские активисты могли «подрывать существующие нормы, не участвуя в прямом сопротивлении» ([2006] 2014:67).

Одним из несомненных достоинств книги является обширный визуальный материал, куда вошли фотографии из личных архивов и фотодокументы из собрания «Яд Вашем». Так, фотоколлекция петербургского мемориального активиста Александра Френкеля впервые представлена общественности в рецензируемой книге. Фотоработы Френкеля представляют собой фиксацию мемориального поля 1980-х годов, в составе самостоятельных исследовательских поездок Ленинградской группы изучения Катастрофы он объездил северо-западные российские регионы и белорусско-русское пограничье. Безусловно, история этого общества заслуживает отдельного рассмотрения (в монографии общество упоминается лишь на с. 324–325). К сожалению, формат книги не позволяет включить источниковедческий обзор, так что остаются нераскрытыми контексты создания фотографий и неясным то, как тот или иной снимок попал к Зельцеру.

Описав множество кейсов и стратегии реализации низовых мемориальных проектов (включая блат), автор тем не менее не делает следующего логического шага – не переходит к анализу более широкой сферы внесударственных активностей, который бы позволил показать неформальность и рост низового активизма (Бородкин, Кесслер и Соколов 2010). Здесь проявляется главная сложность, с которой сталкивается читатель. Многочисленные низовые проекты, кампании по сбору денежных средств, помощь в уходе за захоронениями – все это происходит будто бы усилиями исключительно представителей еврейской общественности, в своеобразном этническом вакууме, за воображаемыми дверьми воображаемой синагоги. Как следует из заглавия, основой таких инициатив видится этническая солидарность – это главная концептуальная рамка исследования. Однако тем самым становится менее осязаемой возможность вписать (и увидеть) в этих низовых движениях этнических других: соседей, одноклассников, сослуживцев, которые, как показывают документы (Черкасски 2012; Вятчина и Юдкина 2018), тоже принимали участие в денежных сборах, осуществляя этот советский краудфандинг. Применение понятия *grassroots* как аналитической категории позволило бы расширить группу участников и «неравнодушных», не ограничивая ее идеологически закрепленной категорией «советских евреев».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтман, Илья, ред. 2009. *Холокост на территории СССР. Энциклопедия*. М.: РОССПЭН; Научно-просветительный Центр «Холокост».
- Бородкин, Леонид, Хайс Кесслер и Андрей Соколов, ред. 2010. *Советское наследство. Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России*. М.: РОССПЭН.

- Вятчина, Мария и Анна Юдкина. 2018. «Мемориализация Холокоста в Смоленской области (1943–1990): действующие лица, места и практики поминовения». С. 237–250 в *Евреи по-граничья: Смоленщина*, под ред. Светланы Амосовой. М.: Издательство Пробел-2000.
- Черкасски, Александра. 2012. «Место увековечивания памяти евреям, уничтоженным во время Второй мировой войны в советском мемориальном ландшафте». *История и историки в контексте времени* 9:30–35.
- Юрчак, Алексей. [2006] 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Altshuler, Mordechai. 2002. "Jewish Holocaust Commemoration Activity in the USSR under Stalin." *Yad Vashem Studies* 30:271–296.
- Gitelman, Zvi. 1997. "Politics and the Historiography of the Holocaust in the Soviet Union." Pp. 14–42 in *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR*, edited by Zvi Gitelman. Bloomington: Indiana University Press.
- Halfin, Igal. 2000. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Hellbeck, Jochen. 2009. *Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University.